

В.Д. Шевченко

ВКЛЮЧЕНИЕ ИНОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ В СОСТАВ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Самарский государственный университет

В современной публицистике текстовые включения могут относиться не только к иному жанру и культурно-историческому периоду, но и даваться на языке оригинала. Язык включения, таким образом, служит дополнительным средством подчеркивания контраста между взаимодействующими текстами; включения в подобных случаях выполняют ряд функций [2: 151-160]. В отличие от включения на языке, совпадающем с языком принимающего текста, иноязычное включение становится знаком особого рода, план выражения которого оказывает специфическое воздействие на интерпретатора, заставляя его обратить особое внимание на план содержания и его влияние на содержание принимающего текста.

Рассмотрим один из таких примеров, в рамках которого в состав современной публицистической статьи включен фрагмент поэтического произведения – эпилог из третьей книги Од Горация, датированной 23 годом до н.э.:

Still, when this noble Roman – known to us as Horace – sat down in 23 B.C. to review his life's accomplishments, he concluded that his contributions in poetry would outlast whatever the soldiers and builders had achieved:

*Exegi monumentum aere perennius
Regalique situ pyramidum altius. ...
Non omnis moriar.*

*I have erected a monument more lasting
than bronze
And taller than the regal peak of the
pyramids. ...
I shall never completely die.*

(National Geographic, August 1997, p. 61)

Особое значение в процессе интерпретации текста статьи будут иметь, на наш взгляд, два аспекта, одним из которых является хронологический. Поскольку включенный текст является фрагментом древней оды, в рамках

статьи в диалог вступают тексты, отдаленные друг от друга более чем на 2000 лет, что отражается на процессе их взаимовлияния и взаимодействия.

Вторым важным аспектом, влияющим на данный процесс, является форма включенного текста: отрывок дан на языке оригинала с сохранением рифмы и ритма. Включение рифмованного текста на мертвом языке будет оказывать особое воздействие на читателя; благодаря своей форме включенный текст достаточно ярко будет проявлять свойство иррадиации, поскольку сохраняемая торжественная тональность цитаты будет передаваться окружающему контексту [1: 433]. На наш взгляд, все эти аспекты оказывают влияние на эффективность восприятия целеустановки включенного поэтического текста в частности и на процесс интерпретации текста статьи в целом (см. ниже).

Степень воздействия фрагмента поэтического текста на читателя будет достаточно высокой, поскольку включенный текст является одним из самых значимых произведений этого жанра, образность которого оказала влияние на многих поэтов. Как пишет И.В. Арнольд, “цитата может функционировать как ссылка на авторитет, подтверждающий и образно выделяющий важную мысль” [1: 434]. Именно поэтому, на наш взгляд, она была выбрана автором в качестве авторитетного источника для подчеркивания основной идеи принимающего текста и подтверждения авторской точки зрения. По нашему мнению, в рассматриваемом случае усилению данной функции также способствуют хронологический и формальный аспекты.

Несмотря на то, что включенный текст написан на мертвом языке, тем не менее, на читателя оказывает воздействие его коммуникативная целеустановка, присущая поэтическим текстам в целом и обусловленная их формальными, содержательными, функциональными, жанровыми, а также другими характеристиками. Напомним, что коммуникативная целеустановка поэтического текста заключается в необычном, эстетическом изображении действительности. Как пишет О.И. Москальская, “анализ коммуникативной целеустановки текста, как и семантический анализ в целом, естественно, не может быть безразличен к жанру текста, так как каждый жанр выдвигает при этом свои специфические трудности” [5: 63]. В данном примере на обретение включением особой коммуникативной целеустановки влияет также особый жанр поэтического текста – жанр оды, специфика которого заключается в торжественном, приподнятом, морализирующем характере [3: 684].

При включении фрагмента древнего поэтического текста в состав современного публицистического происходит комбинирование их коммуникативных целеустановок. Естественно, что в результате взаимодействия текстов их целеустановки будут контрастировать между собой, поскольку установка принимающего публицистического текста заключается в информировании и формировании определенного отношения к фактам, приведенным в статье. Данная коммуникативная установка будет занимать

доминирующее положение в процессе интерпретации текста статьи, тем не менее, определенное влияние на нее будет оказывать целеустановка включенного фрагмента поэтического произведения. Особое значение имеет также авторитетность цитаты: положительное отношение к фактам, описываемым в последующем тексте заранее, еще до знакомства с этим текстом, будет задаваться фрагментом текста оды, приведенном в самом начале статьи. На формирование положительного отношения влияют актуализируемые в сознании реципиента концепты “долговечность” и “значимость”, которые в тексте передаются посредством метафор и гиперболы: *aere perennius, non omnis moriar* (концепт “долговечность”); *regalique situ pyramidum altius* (концепт “значимость”). Данные концепты оцениваются положительно людьми, принадлежащими к различным этнокультурным сообществам, вне зависимости от времени.

Исходя из своей коммуникативной целеустановки, поэтический текст стремится к использованию образных средств. В данном случае взаимодействие текстов строится именно на основе образа, который автор использует для передачи определенного означаемого. Метафорический образ памятника, символизирующий долговечность и значимость поэтического наследия Горация, заимствуется автором публицистической статьи для обозначения долговечности и значимости культурного наследия Римской империи, а также роли этого наследия в различных областях современной жизни. Таким образом, включенный фрагмент поэтического текста служит источником образного средства, используемого автором статьи для передачи нового означаемого; метафора памятника используется для передачи разного содержания, связанного с различными социокультурными и историческими контекстами. Во включенном тексте образное средство используется автором для передачи смысла “поэтическое наследие”; в принимающем тексте элемент образа, введенного включенным текстом в начале статьи, используется для передачи нового смысла, связанного с культурным наследием Римской империи.

Включенный текст также содержит указания на такие признаки объекта, выбранного в качестве образа (*monumentum*), как его высота и прочность материала, используемого для изготовления (для передачи этих признаков используется сравнительная степень, причем материал не называется, дается лишь сравнение его с бронзой). Упоминание о данных характеристиках объекта подтверждает мысль о том, что мы понимаем мир главным образом на основании нашего физического, телесного опыта (А. Ченки, в частности, отмечает, что большую часть информации, получаемой нами от мира, мы воспринимаем благодаря зрению и осязанию [6: 352]). По мнению М. Джонсона, многие абстрактные концепты являются расширением/преобразованием физических концептов [7], следовательно, мы полагаем, что названные материальные характеристики образа метафорически обозначают значимость и долговечность означаемого, передаваемого

посредством данного образа и имеющего отношение к нематериальной сфере.

Рассмотрим, каким образом физические концепты преобразуются в абстрактные на основе физического опыта: *материал* → *долговечность* (осязание), *размер* → *значимость* (зрение). В данном случае признак долговечности отождествляется с высокопрочным материалом, а признак значимости отождествляется с признаком размера, таким образом, происходит наложение одних признаков на другие, в результате чего мы получаем семантически идентичное, но образно различающееся высказывание [4: 95-96].

В данном примере интерес вызывает непосредственное отражение формы движения мысли автора: после метафоры, содержащейся во включенном фрагменте оды, читатель сталкивается с упоминанием автора статьи о реальных памятниках и сооружениях, относящихся к эпохе Римской империи (см. ниже). При этом называются материалы, из которых они сделаны, один из которых упоминался в поэтическом тексте. Таким образом, мы можем проследить взаимодействие публицистического и поэтического текстов: образность, присущая поэтическому тексту и составляющая его сущность, в основном, утрачивается принимающим публицистическим текстом: автор говорит об объектах, выбранных в качестве образа в поэтическом тексте, в прямом смысле. Это, на наш взгляд, обусловлено особой коммуникативной целеустановкой публицистического текста, контрастирующей с установкой и функцией поэтического текста.

Тем не менее включенный фрагмент поэтического текста оказывает определенное влияние на принимающий: публицистический текст заимствует одну из особенностей поэтического текста, с которым он взаимодействует, – элемент использованного в нем образа. Эта особенность, тем не менее, заимствуется публицистическим текстом с целью реализации им своей основной коммуникативной целеустановки: используя данную черту, публицистический текст особым образом воздействует на читателя.

В последующем тексте мы сталкиваемся с прямой номинацией понятия (*legacy*), близкого метафоризируемому в оде; однако относящийся к данному понятию признак долговечности также отождествляется с высокопрочным материалом, сравниваемым с бронзой. При этом метафора, введенная фрагментом оды, как бы расширяется автором статьи: с целью усилить воздействие автор добавляет сравнение с еще одним высокопрочным материалом. Рассмотрим этот пример: “*When I traveled recently to various Roman cities in Europe, Asia Minor, and North Africa, what I saw primarily were ruins – headless statues and fallen aqueducts and long rows of elegant columns broken in half, their ornate capitals scattered among the weeds. If you look only at this dented bronze and shattered marble, it seems clear that the Roman Empire is dead. In fact, though, like its greatest lyric poet, ancient Rome*

will never completely die. The Romans left the world a legacy more lasting than bronze or marble” (NG 1997, 61).

В ходе анализа необходимо обратить внимание на взаимодействие метафорического смысла в поэтическом тексте и неметафорического смысла в публицистическом: на наш взгляд, метафора заставляет автора обратиться к своей области-источнику, а также к конкретным признакам источника, которые подвергаются метафорическому переосмыслению в поэтическом тексте. Однако обращение к источнику метафоры, тем не менее, обусловлено потребностью передать смысл, тождественный передаваемому фрагментом оды: упоминая о непрочности древних памятников и сооружений (*ruins, headless statues and fallen aqueducts, elegant columns broken in half*), а также материалов, из которых они сделаны (*dented bronze and shattered marble*), автор, таким образом, стремится подчеркнуть значимость и долговечность культурного наследия Римской империи, превосходство духовного над материальным. В последующем тексте статьи этот смысл передается не метафорически, а посредством прямой номинации, что, в свою очередь, является специфической чертой публицистического текста, обусловленной его коммуникативной целеустановкой: “*The enduring Roman influence is reflected pervasively in contemporary language, literature, legal codes, government, architecture, medicine, sports, arts, engineering, etc. <...> The emperor Justinian’s monumental compilation of the Digests, the Institutes, and the Revised Code, completed in A.D. 534, has served as the foundation of Western law ever since. <...> In the latter category, the Johnie Cochran of Rome was, of course, the majestic (if long-winded) advocate Cicero, a man who perfected many defense techniques still in use today. <...> The building itself, with its broad porticoes, its stately white columns, and its graceful dome at the center, is a perfect example of how much the modern world has learned from Roman architecture. <...> The art of city planning is another legacy the Romans have left to our age*” (NG 1997, 61-73).

Метафора, содержащаяся во включенном фрагменте оды и частично реализуемая в принимающем тексте статьи, благодаря своей экспрессивности как бы готовит читателя к особому восприятию последующего текста. Метафора во включенном тексте также помогает ему проявить свойство иррадиации: экспрессивность метафоры распространяется на последующий текст (в ходе восприятия текста читатель, на наш взгляд, будет постоянно возвращаться к образу, содержащемуся во фрагменте оды, и отождествлять с ним те явления, о которых упоминает автор статьи) и также способствует положительной оценке его содержания.

Образ, использованный во фрагменте включенного текста, также служит тематической когеренции фрагментов взаимодействующих дискурсов: он вводится включенным текстом, его элемент повторяется и несколько расширяется в принимающем, обозначая тот же признак (долговечность). Таким образом, мы сталкиваемся с повторением ключевого факта во фрагментах разных взаимодействующих дискурсов, причем признак, выражен-

ный во включенном поэтическом тексте имплицитно, в дальнейшем эксплицируется в принимающем тексте (см. выше).

Помимо тематической когеренции обратимся также к вопросу о когезии фрагментов взаимодействующих дискурсов. Лексическая когезия достигается путем повтора лексических эквивалентов исходного слова (*monumentum*), которое является центральным во фрагменте включенного дискурса, поскольку служит основным обозначением образа, используемого автором для передачи смысла. Лексические эквиваленты, употребленные в принимающем дискурсе, обладают более узким значением по сравнению с исходным словом (*statues, columns*). Что касается лексико-синтаксической когезии, то она достигается повтором во фрагментах взаимодействующих дискурсов таких элементов высказываний, как *aere perennius : : more lasting than bronze; Non omnis moriar : : will never completely die*, причем в принимающем дискурсе повтор латинских элементов из фрагмента включенного дискурса происходит на английском, что усиливает контраст между формами взаимодействующих текстов и стимулирует читателя обратиться к общим моментам плана содержания.

На наш взгляд, основное влияние фрагмента поэтического текста на интерпретацию принимающего заключается в том, что передаваемый им метафорический смысл включает в себя положительную оценочную коннотацию, приписываемую автором. Данный аспект содержания выходит на первый план при восприятии принимающего текста; с использованием элемента образа для передачи нового содержания происходит применение той же оценки к некоторым аспектам современной действительности, связанным с римским наследием, о которых пишет автор статьи. В рассматриваемом случае знаком интерференции дискурсов служит один и тот же образ, который используется во включенном тексте и заимствуется принимающим; он сообщает информацию об некоторых общих моментах в их содержании. С нашей точки зрения, присутствие одного и того же образного средства во включенном и принимающем текстах облегчает установление связей между прошлым и настоящим, между внетекстовыми структурами взаимодействующих текстов.

Библиографический список

1. Арнольд, И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / И.В. Арнольд. – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 444 с.
2. Воробьева, Ю.С. Интерлингвальность как тип интертекстуальности / Ю.С. Воробьева // Коммуникативное пространство дискурса в современных германских языках: сб. науч. ст. – Самара: изд-во “Самарский университет”, 2007. – С. 151-160.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М.: НПК “Интелвак”, 2003. – 1600 стб.
4. Масленникова, А.А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А.А. Масленникова. – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. – 264 с.

5. Москальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Москальская. – М.: Высш. школа, 1981. – 183 с.

6. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 340-369.

7. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1987.

М.А. Перепелкин

**К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
А.А. ТАРКОВСКОГО “МЕРКНЕТ ЗРЕНИЕ – СИЛА МОЯ...”
И О ЕГО РОЛИ В ФИЛЬМЕ “НОСТАЛЬГИЯ”**

Самарский государственный университет

Стихотворение Арсения Тарковского “Меркнет зрение – сила моя...” написано в 1977 году; несколькими годами позже сын поэта, кинорежиссер Андрей Тарковский, включил его в фильм “Ностальгия”. В данной работе предпринята попытка предварительного анализа структуры поэтического текста и его роли в сюжете кинокартины.

Меркнет зрение – сила моя,
Два незримых алмазных копьё;
Глохнет слух, полный давнего грома
И дыхания отчего дома;
Жестких мышц ослабели узлы,
Как на пашне седые волы;
И не светятся больше ночами
Два крыла у меня за плечами.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово